

Чжао Цзяньмэй

(Столичный университет экономики и бизнеса, Китай)

О ПАТЕТИКЕ В ПОЭЗИИ БО ЦЗЮЙИ

Аннотация: В целом поэтическому творчеству Бо Цзюйи свойственно стремление к простоте, но в этой простоте есть место и для патетики. Простота и патетичность вместе образуют сложное диалектическое единство, составляющее основу многогранности поэтического стиля Бо Цзюйи. Чаще всего патетика звучит в стихотворениях, в которых поэт выражает тревогу за судьбу государства и народа, но нередко ее проявления можно обнаружить и в пейзажной лирике, и в стихотворных посвящениях природному миру и миру предметов. Патетика наблюдается как в обличительной, так и в идиллической, и в сентиментальной поэзии Бо Цзюйи. Такие стихотворения характеризуются особым эмоциональным подъемом. Поэт мастерски подбирает пышные, полные силы образы, лексику, передающую масштабность и грандиозность; часто прибегает к приему сравнения, в качестве средств сравнения избирая образы могучих и величественных предметов или явлений. В патетической лирике Бо Цзюйи можно обнаружить следы влияния его предшественника, великого танского поэта Ду Фу, а также друга и современника Лю Юйси по прозвищу «корифей поэзии». В то же время возвышенность слога в целом соответствует общей направленности поэтической мысли среднего периода Танской династии. Дух конфуцианства — нравственный ориентир Бо Цзюйи, а также дерзновенность и возвышенность чувств, свойственные его характеру, в свою очередь являются внутренним источником патетики в его творчестве.

Ключевые слова: Бо Цзюйи, поэзия, патетика.

Zhao Jianmei

(Capital University of Economics and Business, China)

ON THE HEROIC SPIRIT OF BAI JUYI'S POETRY

Abstract: Bai Juyi's poetry creation generally pursues the easy style, but there is also a strong side in the easy style. The mutual integration and dialectical unity of easy style and strong strength constitute the diverse features of his poetry. His poems often show pride when writing about the theme of caring for the country and people's livelihood, strong and broad when writing about the natural landscape, and momentum in poems on things. This heroic spirit is not only reflected in Bai Juyi's allegorical poems, but also in his leisure poems and sentimental poems. These poems are full of emotion. Poet is good at selecting magnificent and vigorous images, words conveying power and breadth, and often use vigorous images as metaphors. The heroic spirit in Bai Juyi's poetry is not only influenced by Du Fu, a poet of the prosperous Tang Dynasty, and Liu Yuxi, a poet of the same era, but also closely related to the overall atmosphere of advocating heroism in the poetry circle of the middle Tang Dynasty; The Confucian spirit hidden in his heart and the heroic spirit in his temperament are the internal root of the heroic spirit in Bai poetry.

Keywords: Bai Juy, poetry, heroic spirit.

Чаще всего, описывая поэзию Бо Цзюйи, отмечают ее простоту и лиричность. К примеру, вот что пишет Чжан Цзы (Южная Сун) в своем стихотворении «Читаю стихи Лэтяня¹»: «Что можно сказать о стихах сяншаньского старца?² [Так естественно], ни одного шва [с изнанки] не проглядывается [на поверхности стиха]. Все, чего касается его поэтическая кисть, достигает самой сути — это сама жизнь, какой она открывается поэту, воплощенная в стихах. За подобной прямоотой, естественностью и мягкостью стиля [стоят] глубочайшие знания [и] великий талант. [Я] вслед за другими восхищусь ясностью [слога] Бо [Цзюйи] — воистину [просто], как речи ребенка» [1, с. 89]. Многие критики также пишут о том, что стиль Бо Цзюйи маловыразительный, вялый. Приведем несколько примеров. Сыкун Ту (поздняя Тан) в «Письме к Ван Цзя с критикой поэзии»: «Талант у Юань [Чжэня] и Бо [Цзюйи] огромен, а вот манере недостает силы — ну точно богатые торговцы на рынке» [2, с. 43]. Янь Юй (Южная Сун) в работе «Поэтическая критика [отшельника] Цанлана: Разбор» пишет: «Стихотворение “Иду против рассветного весеннего ветра на хромом осле”³ совершенно лишено жизненности замысла и манеры исполнения, присущей представителю золотого века танской поэзии; больше похоже на творение Бо Лэтяня» [3, с. 229]. Чжан Цзе (Южная Сун) в «Поэтической критике из зала Суровой зимы»: «В своих *юэфу* Юань [Чжэнь], Бо [Цзюйи], Чжан Цзи и Ван Цзянь достигли непревзойденных высот в том, что касается искусства повествования, выбирая темы, которые вызывают отклик в сердцах людей, однако их слог сух, а манере недостает выразительности» [4, с. 450]. Ши Бухуа (Цин) в «Разговоре о стихах слуги черницы [и пера]» пишет: «Семисловные стихи в подражании древним авторства сяншаньского [отшельника], известные как “чанцинский жанр”, все же, что ни говори, заурядны, сумбуры и невыразительны» [5, с. 1023]. Позволим себе, тем не менее, не согласиться с подобными оценками.

«Хотя твердость и мягкость взаимоисключаящи, сведущий в писательском [искусстве] непременно должен уметь применить [в своем творчестве] как одно, так и другое, в зависимости от требования момента» (Лю Се, «Резной дракон литературной мысли: Определение формы») [6, с. 206]. Бо Цзюйи не единожды выражал свое откровенное восхищение величием поэзии или величием личности того или иного поэта: «Еще современниками были признаны рыцари стиха: Ли [Бо], Ду [Фу]» («Письмо к Юаню Девятому») [7, с. 323]; «В начале правления под девизом Чжэньюань Вэй Инъу был начальником округа Сучжоу, а Фан Жунь вновь был назначен на должность правителя округа Ханчжоу. Оба они были великими людьми» («Надпись на камне в округе У») [7, с. 1837]; «Лю Мэндэ⁴ (Юйси) из Пэнчэна — истинный корифей поэзии. Велик его талант. Мало кто посмеет равнять себя с ним» («Примечание к сборнику [поэтической] переписки Лю [Юйси]

¹ Лэтянь — имя-цзы Бо Цзюйи (здесь и далее примеч. пер.).

² Сяншаньский старец (отшельник с гор Сяншань) — прозвище Бо Цзюйи.

³ Речь идет о стихотворении Ду Фу.

⁴ Мэндэ — имя-цзы Лю Юйси.

и Бо [Цзюйи]») [7, с. 1893]; «Даже если тело великого [человека] умрет, его дух остается жить [среди нас]. Буду тешить себя мыслью, что в путешествии на том свете тебя сопровождает Вэйчжи⁵» («Скорблю о смерти *шанишу* Лю Мэндэ. Два стихотворения, первое) [8, с. 2785]. Вместе с тем кисти самого Бо Цзюйи также принадлежит немало патетических стихотворений. И хотя патетика не является главным направлением его поэзии, нельзя отрицать существование и такой стороны его творчества. Данная статья посвящена исследованию тематической отнесенности, художественных средств и источников возникновения патетического направления в поэзии Бо Цзюйи.

1

Наиболее часто патетический тон звучит в стихотворениях Бо Цзюйи, в которых выражается тревога за судьбу родины и ее народа. В первую очередь это относится к тем произведениям, в которых поэт излагает значительные события своего времени или описывает и осуждает мучения, приносимые простому народу стихийными либо рукотворными бедствиями. Поэзия данной тематической отнесенности также отличается сильным эмоциональным подъемом. Примером может служить обличительное стихотворение ранних лет «Новые *юэфу*. Танец из западной Лян». В нем поэт с горькой иронией упрекает руководителей приграничных земель, неспособных возратить утерянные земли; произведение охватывает значительное пространство и время и имеет мощную эмоциональную составляющую; отдельного упоминания заслуживает величественный и вместе с тем печальный образ льва. В четвертый год правления под девизом Юаньхэ (809) Бо Цзюйи написал обличительное стихотворение под названием «Экран с нарисованным морем», в котором метафорически, используя образ беспокойного волнующегося моря на разрисованном экране, выразил свое осуждение и печаль по поводу бедствий, приносимых народу частыми восстаниями руководителей приграничных районов. В стихотворении «Большая вода», созданном в период жизни в Цзянчжоу, Бо Цзюйи рисует картину страшного наводнения, имевшего катастрофические последствия для всех сфер жизни людей, включая ремесла, торговлю и земледелие. На второй год правления под девизом Чанцин (822), по пути из Чанъяня в Ханчжоу, Бо Цзюйи написал стихотворение «Навеяно впечатлениями от путешествия по реке Янцзы из Шу до устья озера Дунтин», в котором описывается еще одно разрушительное наводнение, свидетелем которого стал поэт; желая донести до читателя то чувство горечи, которое вселял в него вид этого страшного стихийного бедствия, и призывая предпринять все возможные меры для обуздания водной стихии, он включает в повествование образ усмирителя вод — Великого Юя. Все отмеченные выше стихотворения с полным правом могут быть названы патетическими.

⁵ Вэйчжи — имя-цзы Юань Чжэня.

Эмоциональный подъем и торжественность свойственны также тем стихам Бо Цзюйи, в которых восхваляются великие свершения на службе государству и народу. Примером может служить стихотворение 19-го года правления под девизом Чжэньюань (803) «Вторю дафу Лю с северного побережья Вэйхэ, который осенью остановил нападение врагов-иноземцев, и посылаю другу при дворе», прославляющее *цзедуши* северного побережья реки Вэйхэ Лю Гунцзи; поселение, находившееся в его ведомстве, было надежной преградой на пути во внутренние земли страны, а Лю Гунцзи являл собой истинный оплот государства, и поэт с чувством искренней признательности прославляет в своем стихотворении его заслуги. Среди современников истинным идеалом личности для Бо Цзюйи был Пэй Ду, мудрый сановник, который ушел на покой, оставив после себя множество великих свершений; на склоне лет Бо Цзюйи часто и с большим восхищением описывал заслуги и добродетели этого человека. В качестве примера можно привести стихотворение девятого года правления под девизом Дахэ (835) «Когда Цзиньский *гун шичжун* Пэй вышел в поход, чтобы умирить восстание в Хуайси, проходя мимо подножия гор Нюйцзишань, [он] оставил на камне стих, последняя строка которого гласила: “[А меня пока еще] ждут крепости предателей, [я должен] сровнять их с землей и отчитаться перед Сыном Неба. [Ведь не приходится] уповать на то, что высшие силы пошлют своих бойцов [нам на подмогу]”. И действительно, как и обещал, в установленный срок *гун* усмирил бунтовщиков, и с тех пор, вот уж почти двадцать лет, в Цай и в окрестностях реки Хуайхэ царят мир и покой, народ живет безбедно, трудится, и труд их приносит им радость. Так как [моих восторженных] вздохов недостаточно, [чтобы в полной мере выразить мое восхищение], [я], взяв за основу тему, начатую *гуном*, воспую о его подвигах в стихах в двести слов. Желаю, чтобы те, кто придет после нас, будь то собиратели песен, летописцы или просто случайные прохожие, знали всю правду о заслугах и свершениях Цзиньского [*гуна*] от начала и до конца» [8, с. 2304]. В стихотворении превозносятся прежние подвиги Пэй Ду во время карательной экспедиции в Хуайси, принесшие огромное облегчение народу, а также дается портрет самого героя, каким он был к моменту написания стихотворения: «Страж столицы, оберегающий покой Лояна», «[сохранивший] ясный ум, присутствие духа и бодрость тела». Поэт искренне, от всего сердца восхищается высоконравственностью и достойными деяниями Пэй Ду, поэтому совершенно естественно, что данное стихотворение имеет яркую патетическую окрашенность. И даже в последние годы жизни Бо Цзюйи с особой страстью писал о вкладе тех или иных людей во благо государства и его народа. На пятый год правления под девизом Хуэйчан (845), в свои 74 года, Бо Цзюйи написал стихотворение, эмоциональностью ничуть не уступающее более ранним произведениям: «Разбив уйгуров, *шаншу* Ши из Хэяна выехал навстречу принцессе и, проезжая Шандан, подстрелил цаплю. Об этом написали картину. Я имел честь увидеть ее. [Посчитав, что проза] не в силах выразить мое восхищение, слагаю о ней стихи»:

Единым махом разгромил [врагов] к северу от Великой стены. Взмахнул плетью, и пали форты мятежников в Шаньдуне. Принцесса усуней [отправлялась в путь], [чтобы] вернуть Циньские земли, Генерал на белом коне въезжал в Лучжоу. [Он] обнажил меч, и металл заблестел, как змеиный чешуйчатый хвост. Спустил тетиву, и стрела пронеслась подобно огненной вспышке. Известно, что [он] птицу сбивает в полете, попал точно в глаз, — Так что же бояться вторжения иноземных псов? Трижды пропел военный рожок, слышится сигнальный удар в гонг, Инструменты играют печальную осеннюю песнь. Есть ли среди [всех деятелей] прошлого другой, более достойный, чтобы его портрет висел на самом почетном месте [в галерее героев] в Цилиневых хорах? [8, с. 2816]

Патетика в поэзии Бо Цзюйи на темы о благосостоянии страны и народа, по сути, является воплощением его конфуцианских идеалов.

Нередко большая эмоциональная экспрессия встречается и в пейзажной лирике Бо Цзюйи. Захватывают дух стихотворения, повествующие об опасных узких теснинах между скал: «У входа в теснину прощаюсь с другом: тот отправляется в Дунчуань, где назначен на должность», «О том, что я ощутил, впервые оказавшись на реке в ущелье», «Войдя в теснину, причалил в Бадуне». Возвышенны, исполнены величественной атмосферы стихотворения «Посвящение пику Небесный Столп», «Посвящение храму Одеяния небожителей в горах Фахуашань», «Ночью в храме Облачных врат» и другие произведения, описывающие горные вершины и храмы. «Тот, кому посчастливилось однажды увидеть чистейшее зеркало Цзинху, навсегда сохранит в своем сердце его безбрежные воды», — сказано в стихотворении «Угощая Вэйчжи вином, расхваливаю озеро Цзинху» [8, с. 1804]; в пейзажной лирике Бо Цзюйи, созданной во время службы Ханчжоу и Сучжоу, часто фигурируют открытые, ничем не ограниченные пространства — вероятно, это может быть связано с чувством облегчения и просветления, которые обрел поэт после того, как, пройдя через понижение в должности и разочаровавшись в чиновничьей службе, принял добровольное решение уехать из столицы и занять пост в более отдаленных местах. В качестве примера можно привести несколько строчек из стихотворения времен жизни в Ханчжоу «Пишу Вэйчжи по случаю снегопада»: «На всю ночь небо над рекой заволокли беспросветные облака. Почти неразличимы сквозь белую пелену снега рассветные горы. [Кажется, это] Небесная река разбросала по свету россыпь [звезд], [Или] десять тысяч цветущих деревьев теснятся на Сливовой горе, [А может], ветер принес с северных улиц муку. Белый нефрит озарило взошедшее над Восточной башней солнце» [8, с. 1805]. Облака, не расступающиеся всю ночь напролет, горы в снегу на рассвете, безбрежный Млечный Путь на небесах, пышное море сливовых цветов, ветер, пришедший с северной стороны, восход солнца над Восточной башней — все вместе эти образы создают яркую, живую, величественную картину недавнего снегопада. Другим ярким примером патетики в пейзажной лирике Бо Цзюйи является его сучжоуское стихотворение «Маленькое озеро на Дунтине» [8, с. 2908], в котором поэт с помощью образов звезд в ночи, предрассветной игры света и тени в грозных облаках, ряски, покачивающейся на ветру, волнения на небе-

сах и вечной зелени южных лесов рисует перед читателем необыкновенной красоты пейзаж природы в окрестностях озера Дунтинху.

Помимо обличительных, хвалебных стихотворений и пейзажной лирики патетика нередко встречается в стихотворениях Бо Цзюйи, посвященных природному миру и миру предметов. Так, в трех его ранних стихотворениях («Меч [мастера] Яцзю», «Меч командира Ли» и «Сломанный меч») воспевается меч как олицетворение твердости и благородства характера. Мечи в поэзии Бо Цзюйи разят полчища врагов, рассекают облака, обезглавливают презренных, карают предателей — другими словами, борются со злом во всех его проявлениях. Есть у Бо Цзюйи стихотворные посвящения сосне: «Под конец года все горы усыпаны снегом, и [только] пушистые [ветви] сосен [все такие же] изумрудно-зелены» («Десять ответных стихотворений; Отвечаю [на стихотворение] о сосне») [8, с. 239], — и пихте: «Ее могучая крона — множество острых клинков, ствол — негнибачимый стержень, прямой от корня до макушки» («Посадил пихту») [8, с. 614]. В двух стихах под названием «Камень из озера Тайху» описывается скрытая сила, таящаяся внутри камней; в стихотворениях «Затяжной дождь» и «Радуюсь дождю» восхваляется великолепие грозовых ливней. Бо Цзюйи умел придать торжественную окраску даже таким обыденным вещам, как веер или песенка рожка («Мальчик Сюэ Янтао играет на бамбуковом рожке», «Веер из белых перьев»). Патетика встречается не только в обличительной, но и в идиллической, и в сентиментальной поэзии Бо Цзюйи, как, например, стихотворения «Вечером смотрю вдаль» и «Навеяно впечатлениями от путешествия по реке Янцзы из Шу до устья озера Дунтин», которые сам Бо Цзюйи четко определял как идиллические, или «О том, что я ощутил, впервые оказавшись на реке в ущелье» и «Песнь о нарисованном бамбуке», обычно относимые к сентиментальным.

2

Патетика в поэзии Бо Цзюйи часто является результатом сочетания целого ряда художественных средств: образности, лексического подбора и использования поэтических тропов. В первую очередь настроение величия, грозности создают мастерски подобранные образы: «поток», «горы», «ветер», «облака», «меч» и др. Так, ханчжоуское стихотворение Бо Цзюйи «Вечером гляжу с Речной башни, зазывая гостя из дальних краев» [8, с. 1630] начинается со строк: «В сумерках, поднявшись на Речную башню, гляжу на восток. Безбрежное небо сливается с водой. Раздаются вширь, теряются вдали силуэты гор и очертания рек». Обозначив мощными мазками беспредельное небо, громаду необъятных горных хребтов, потоки могучих рек, следом Бо Цзюйи вырисовывает на их фоне тысячи огней в окнах домов, Млечный Путь, отражающийся на воде, ветер, качающий вековые деревья, песчаные равнины в свете луны. Именно эти образы и передают ощущение грандиозности той панорамы, которая, как на ладони, открылась поэту с высоты Речной башни. В «Квинтэссенции поэзии Тан и Сун», седьмом *цзюане*, дается следующая оценка данному стихотворению: «Подняв-

шись высоко, видишь дальше, [и], в то время как [сам] остаешься недвижимым, воображению покоряются неисчислимы картины. Другим был дан такой же дар зрения, но не было дано такого же поэтического дара» [9, с. 222]. В стихотворении «Камень из Тайху», написанном в третий год правления под девизом Дахэ (829), автор уподобляет увиденный им камень «высотой каких-то восемь-девять чи, но видом, походящим на неприступную вершину» таким могучим памятником природы, как Обитель небожителей Хуаяндун, горы Лушань и Цзяньмэнь и скала Ладонь небожителей в горах Хушань, придавая предмету описания такую же монументальность. В стихотворении «Разбив уйгуров, *шаншу* Ши из Хэяна выехал навстречу принцессе...» есть строки: «[Он] обнажил меч, [и] металл заблестел, как змеиный чешуйчатый хвост. Спустил тетиву, и стрела пронеслась подобно огненной вспышке» [8, с. 2816]. Именно употребление таких возвышенных образов, как «меч» и «тетива», наделяют стих патетическим звучанием.

Что касается лексического уровня, поэт искусно отбирает слова и выражения, передающие ощущение мощи, грандиозности, масштабности (в равной степени это относится как к словам со значением действия, так и к словам, передающим количество, качество и т. д.). В этих экспрессивных словах, ярких сравнениях, широте и протяженности описываемого пространства заключена вся сила и глубина чувств поэта. Яркой иллюстрацией вышесказанному является одно из ранних произведений Бо Цзюйи под названием «Экран с нарисованным морем»:

Когда над морем ветра нет, волны ленивы и спокойны. Рыбы, мальки и прочие морские твари свободно [резвятся], то поднимаясь на поверхность, то исчезая в водных недрах. [Но вот] со дна восстанут морские чудища, черепахи-исполины Ао, чьи головы венчают три острова-скалы бессмертных. И нет такой сети, которая бы остановила их, нет такого крюка, который бы их удержал. Теперь вовек не будет от них спасения. Иные [храбрецы], не веря, что [черепах] невозможно одолеть, вступали с [чудищами] в неравный бой. Но сколько ни боролись, нити рвались, гарпуны тонули, а черепахи оставались на том же самом месте. Одна из черепах склонила клюв, все остальные, следуя ее примеру, встряхнули головами. Бушуют черные валы, брызжут белой пеной. Чудовища вдыхают и выдыхают, налетает ураган, возмущен [бог ветра] Фэй-лянь; вздымаются огромные валы, разъярен [бог волн] Янхоу. Пираньи и акулы, надеясь на легкую наживу [, идут к черепахам в услужение], разевают пасти, желая проглотить корабли. В бескрайнем море [не видать] ни одного живого существа. Все реки мира повернули вспять; недостижим теперь для них их повелитель-океан. Ох, неспроста история такая на синем экране была изображена [8, с. 24].

В стихотворении используются очень экспрессивные глаголы: «налетать», «вздымать», «возмущать», «разъярять», «глотать», а также слова и выражения, передающие масштабность развернувшейся картины: «бескрайний», «все реки мира». Посредством описания бушующего океана, а также размеров и силы разрушений, вызванных действиями черепах Ао, поэт стремился выразить степень своего негодования при мыслях о тех несчастьях, которые приносили народу нескончаемые бунты наместников окраинных областей.

В обличительном стихотворении «Большая вода» [8, с. 139] периода жизни в Сучжоу, Бо Цзюйи, желая отразить весь ужас последствий разрушительного наводнения, широко применяет выразительную и сильно эмоционально окрашенную лексику (глаголы: «оборвать [с петель]», «обрушиться», «вихриться», «прокидывать», «палить», «клокотать»; прилагательные: «необъятный», «безбрежный»). На этом фоне особенно резко звучит укор поэта тем «лодочникам», которые и во время стихийного бедствия «находят свою мизерную выгоду [в чужих несчастьях]».

Если говорить о стилистическом уровне патетической поэзии Бо Цзюйи, излюбленными художественными приемами поэта являются метафора и сравнение, причем в качестве средств сравнения выступают величественные, могучие предметы или явления, призванные придать образу сравниваемого объекта еще большую силу и вес. Ярким примером является сучжоуский стих Бо Цзюйи «Мальчик Сюэ Янтао играет на бамбуковом рожке»: «Первая нота прозвучала, как залп», «последний звук оборвался [резко], как удар ножа», «звуки непрерывной чередой катятся друг за другом, как жемчужины, нанизанные на нитку», «низкая нота — упавший грузно камень, высокая нота взмывает, как легкое облачко», «в миг, когда другие музыканты напрасно тщились извлечь музыку из своих струн и флейт, прозвучала нота, которая заглушила все остальные, и тогда [все] инструменты вторили ей в унисон, словно войска, ровными рядами идущие за своим полководцем» [8, с. 1674]. Уподобление первой ноты залпу и удару ножа — тишины, наступившей после того, как отзвучала последняя, с первой же строчки настраивают читателя на торжественный лад. Еще большую силу и проникновенность описанию придают образы мелодии, перекатывающейся, как жемчужины на нитке, низких звуков, громыхающих, как камни, высоких, подобных взмывающим в небо облачкам, и, наконец, той самой, главной ноты, которая задает тон всем остальным инструментам, подобно командиру, ведущему за собой армию солдат. В другом произведении под названием «Слушаю дудочку из камыша» Бо Цзюйи как-то писал: «...[звук] резкий и величественный, как у бамбукового рожка» [8, с. 2855]. В стихотворении «Мальчик Сюэ Янтао играет на бамбуковом рожке» как раз и раскрывается эта «величественная» сторона звучания, казалось бы, такого незамысловатого музыкального инструмента. Таким образом, именно метафора и сравнение являются основными стилистическими средствами, к которым прибегает Бо Цзюйи для достижения патетического звучания своей поэзии.

Чаще всего возвышенный тон поэзии Бо Цзюйи является результатом сочетания всех трех вышеперечисленных факторов. К примеру, вот как Бо Цзюйи описывал величие горных вершин (первое четверостишие стихотворения «Посвящение пику Небесный Столп»): «Созвездия на небосклоне, подобно страже, застыли с двух сторон от нефритовой башни. Бессмертные владыки во дворце из зеленой яшмы оберегают покой в девяти небесных кругах. Небесный Столп вознес на самые вершины солнца и луну. Бездонные провалы взяли в плен туманы и грозы» [8, с. 2966]. Именно великолепно подобранным образам («со-

звездия», «нефритовая башня», «девять кругов неба», «солнце и луна», «туманы и грозы») и ярким глаголам («застыть», «оберегать», «вознести», «брать [в плен]») стихотворение обязано своей яркой и возвышенной окрашенностью.

Не раз предметом поэтического описания Бо Цзюйи становились могучие реки, широкие озера. Его стихотворение «Навеяно впечатлениями от путешествия по реке Янцзы из Шу до устья озера Дунтин» [8, с. 676] начинается с описания стремительного течения огромной реки: «Стремится с юго-запада река. Неизменно, и днем, и ночью, полноводно [ее русло]. Длинные волны гонят одна другую, будто низвергаясь [с большой высоты], цепи гор изрезаны, словно [их] вырубил топором». Следом идет описание широты озер Дунтинху и Цинцаоху: «Дунтин и Цинцао, борясь друг с другом за превосходство, затопляют одно другое, образуя неизмеримой глубины омут, [поверхность которого] — бесконечное пространство сплошной водной белизны. [И так] каждое лето и каждую осень они выходят из берегов, вбирая в себя все семь [соседних] озер». Поэт рисует в воображении читателя картину безграничного, необъятного водного пространства. Если проанализировать лексику стихотворения, можно заметить, что Бо Цзюйи во множестве употребляет яркие и выразительные слова и словосочетания со значением ширины, глубины, протяженности в пространстве («длинные волны», «цепи гор», «неизмеримая глубина», «сплошная белизна»), прилагательные со значением размера («полноводный», «безбрежный», «необъятный»), а также эмоциональные, экспрессивные глаголы («гнать», «низвергаться», «вырубать», «вбирать»). Еще большую живость картине стремительного течения воды на фоне крутых гор придают сравнительные обороты («будто низвергаясь [с большой высоты]», «словно вырублены топором»). Данное стихотворение было создано с целью привлечь внимание читателей к тем страданиям, которые приносили народу страны ежегодные разливы рек и озер. Поэт с чувством пишет о том, как хотелось бы ему обладать властью усмирять эту грозную и могучую стихию. Свое желание он передает в том числе метафорически, вводя в повествование образ Великого Юя; становясь во главе ведомства над водами, тот подчиняет своей воле наводнения и «с магическим мечом наперевес пальцем руки по новой расчерчивает русла рек». Стоит отметить, что данное пронзительное по звучанию, полное глубокого сопереживания горькой судьбе народа стихотворение Бо Цзюйи написал по пути в Ханчжоу, в период глубокого разочарования в государственной службе.

Написание стихов Бо Цзюйи вдохновляли бурные ливни. Яркими образцами его пейзажной лирики на тему дождя являются стихотворения «Затяжной дождь»:

[Дождь] ветви увлажнил, смочил листву. Влагой напоен весь белый свет. Густые тучи затянули небо от края до края. Необъятная вселенная полна свежего ветерка. Заслуги [дождя] велики: он спасает от засухи, [приносит спасительную] прохладу в жаркий летний зной. [8, с. 2894]

и «Радуюсь дождю»:

Северо-запад заволокло плотной пеленой туч. Глазом моргнуть не успел, как небо разверзлось мощным ливнем. [Дождь] принес всему живому избавление от жажды. Сомнения нет — осенью поля родят богатый урожай [8, с. 2894].

В обоих стихотворениях воспевается живительная сила благодатного дождя, который дает людям и животным долгожданную передышку посреди зноя, спасает от засухи дикие растения и посевы крестьян — даже описывая дождь, поэт в первую очередь думает о той пользе, которую он приносит людям. «Бескрайняя вселенная полна свежего ветерка» — таков идеальный мир в представлении Бо Цзюйи. Можно отметить следующие ключевые природные и пространственные образы, а также слова и выражения, придающие патетическую окраску двум вышеприведенным стихотворениям: «весь свет», «вселенная», «густые тучи», «свежий ветерок», «от края до края», «необъятный», «полный», «великий»; «северо-запад», «разверзнуться», «пелена туч», «дождь», «все живое», «заволочь», «плотный», «мощный».

Одной из тем стихотворений Бо Цзюйи было описание трудностей и опасностей путешествий по горным теснинам. В 14-й год правления под девизом Юаньхэ (819) Бо Цзюйи написал стихотворение «О том, что я ощутил, впервые оказавшись на реке в ущелье» [8, с. 845]. Произведение посвящено трудной дороге из Сячжоу в Чжунчжоу, где «на каждом шагу подстерегают коварные мели». Эпитеты, сопровождающие слова «горы» и «воды» («отвесные», «бездонные»), выбор глаголов («ниспадать», «выситься») и сравнительных оборотов («большие валуны — мечи и топоры, камни поменьше — как клыки и зубы») делают повествование более красочным и очень точно передают напряжение и страх поэта, оказавшегося один на один с безжалостной стихией.

Позднее, уже в зрелые годы, Бо Цзюйи писал о том, как человек покоряет природу. В качестве примера приведем четверостишие из «Двух стихотворений о том, как прокладывался путь через восемь опасных каменных отмелей в Лунмэнь, первое»:

Подобно громовым раскатам, [гремят] железные долота и чугунные молоты, Разбивая острые, как мечи, грани восьми каменных отмелей и девяти горных вершин. Словно стрелы, сверкают над водой сотни бамбуковых шестов и тысячи весел, И, как рыбы косяки, [непрерывной вереницей] тянутся сюда плоты и лодки [8, с. 2793].

Параллельные образы («железные долота» и «чугунные молоты», «отмели» и «вершины», «бамбуковые шесты» и «весла»), постепенное нарастание количества (восемь, девять, сотня, тысяча) создают впечатление цельности, неразрывности текста, а яркие сравнения («громовые раскаты», «острые мечи», «стрелы») призваны еще сильнее возвеличить образ человека, собственными руками разбивающего твердый камень, словно гнилое дерево.

Бо Цзюйи прекрасно удавалось изображение не только таких могучих и внушительных по своей природе предметов и явлений, как горные пики, великие потоки или сильнейшие ливни, — он умел также передать величие самых обы-

денных, на первый взгляд, вещей. В подтверждение приведем одно из его произведений поздних лет, написанное в Лояне, — «О поместье Сюэдуичжуан рода Сюэ в Пинцюане»: «[Родник], извернувшись, как синий змей, брызжет хлопьями белого снега. В засушливые дни, когда красное солнце в зените, [здесь] можно любоваться вечным дождем, В морозном воздухе в разгар зимы — слушать раскаты грома» [8, с. 2212]. Стих представляет собой описание самой обычной рощи в поместье, которое некогда посетил поэт, но глаголы «извернуться», «брызжать», образы дождя и грома наделяют изображаемый пейзаж особым ореолом величия. Другим примером может служить четверостишие из стихотворения «Веер из белых перьев» девятого года правления под девизом Дахэ (835): «Шорох — что шелест в сосновых ветвах, взмах — крыло журавля, рассекающего небо, [перья] — снег, не тающий и в разгар лета, [дуновение] — неиссякаемый порыв ветра». Посредством приема сравнения Бо Цзюйи последовательно описывает звук, цвет и движение веера, и образы, которые он для этого привлекает — шелест ветра в соснах, белый журавль, летящий в небесах, снежный покров в разгар лета, — наделяют образ самого веера ощущением чистоты и непорочности, идеализируют, возвышают его.

3

Источники патетики в стихотворениях Бо Цзюйи следует искать в творчестве его предшественника, великого танского поэта Ду Фу, а также друга и современника Лю Юйси по прозвищу «корифей поэзии». Кроме того, следует отметить, что патетичность в целом приветствовалась в поэтических кругах того времени.

Несмотря на то, что Бо Цзюйи являлся духовным преемником древней поэзии «Шицзина», стиль его поэтического творчества не мог не поддаться влиянию поэзии Ду Фу. У Ду Фу он почерпнул такие особенности стиля, как смелость, пылкость, возвышенность, одухотворенность слога; особенно явно это прослеживается, например, в следующем четверостишии («Новые юэфу. Танец из западной Лян»): «Вот уже сорок лет как захвачена область Лянчжоу, В землях Хэси и Лунъю [враги] вторглись почти на семь тысяч *ли*, [и если] когда-то от Аньси до границы было как до края мира, Ныне пограничные посты стоят почти у Фэнсяна» [8, с. 367–368]. «Стиль выразительный, как у Ду [Фу]», — дается комментарий данному произведению в «Квинтэссенции поэзии Тан и Сун» [9, с. 45]. Там же отмечается, что стихотворение «Навеяно впечатлениями от путешествия...» написано в энергичной манере и что «при его написании поэт вдохновлялся “Горами Цзяньмэнь” Ду Фу» [9, с. 77], а в «Песне о нарисованном бамбуке», превозносящей талант художника Сяо Юэ, «чередование и смены тем и интонаций приближают [поэта] вплотную к сокровенной сути поэзии Цзымэя⁶» [9, с. 97]. Наконец, следующую оценку дает автор «Квинтэссенции...» сти-

⁶ Цзымэй — имя-цзы Ду Фу.

хотворению «Мальчик Сюэ Янтао играет на бамбуковом рожке»: «Мальчик Сюэ Янтао [...]» — от начала и до конца подражание «Песне о танце с мечами» Ду Фу. Сильная и выразительная манера и оригинальность смыслов, выходящих за рамки слов, поднимают этот стих на новую высоту, [делая его] на порядок лучше других произведений сборника» [9, с. 187].

Значительное влияние на Бо Цзюйи оказал его ровесник и «друг по стихотворному перу» Лю Юйси. В третий год правления под девизом Дахэ (829) Бо Цзюйи написал «Примечание к сборнику [поэтической] переписки Лю [Юйси] и Бо [Цзюйи]», в котором назвал Лю «корифеем поэзии», а также дал высокую оценку его поэтическому творчеству: «Мэндэ, о, Мэндэ, гениальны, виртуозны твои стихи. Нет такого человека, который превзошел бы тебя в стихосложении — я [уж точно] не рискну соперничать [с твоими] виртуозностью и гениальностью. Я говорю о таких [твоих] строчках, как “Рано побелели вершины заснеженных гор, поздно подоспели плоды бессмертия на морских [островах]” и “Мимо одного затонувшего корабля проходит флотилия в тысячу парусов, Рядом с гниющим деревом десятки тысяч других расцветают с приходом весны”. [Именно это я и] называю гениальностью и виртуозностью. А потому [считаю, что] твои стихи должны быть переданы под покровительство божеств со всех краев мира — Разве годится, что они хранятся в тайне, оставаясь достоянием всего двух человек?» [7, с. 1883–1894] Строка, которой так восхищался Бо Цзюйи («Рано побелели вершины...») взята из стихотворения Лю Юйси «Шэжэнь Бо из Сучжоу прислал новый стих; проникшись строкой “рано поседела голова, а детей все нет”, преподношу ему ответ» [10, с. 359]. Вид выдающихся метафор, уподобляющих седую голову заснеженным горам, а детей — плодам бессмертия, заставил Бо Цзюйи вмиг позабыть о своих печалях. Поразительной красоты строки «Мимо одного затонувшего корабля проходит флотилия в тысячу парусов, Рядом с гниющим деревом десятки тысяч других расцветают с приходом весны» были написаны Лю Юйси, когда, сосланный за участие в неудачной попытке реформ девиза правления Юнчжэнь сначала Ланчжоу, затем — в Ляньчжоу, он ощутил себя «изгоем, на двадцать три года брошенным, позабытым в пустынных землях среди гор Башань и вод Чушуй» [10, с. 402]. Это и есть патетика Лю Юйси, именно о таких стихах Бо Цзюйи говорил: «[Вот, что я] называю гениальностью и виртуозностью». Из общей оценки творчества («Велик его талант. Мало кто посмеет равнять себя с ним») и процитированных строк очевидно глубокое понимание и восхищение Бо Цзюйи величием поэзии Лю Юйси.

Лю Сицзай (Цин) писал в своем критическом труде «Обзор искусства: Обзор поэзии»: «Поэзию Лю Мэндэ скорее можно назвать поверхностной. Выразительностью слога он превосходит Бо [Цзюйи], но рифмами уступает Лю [Цзунъюаню]» [11, с. 64]. В целом замечание, что выразительностью слога Бо Цзюйи уступал Лю Юйси, не безосновательно. Господин Чэнь Инькэ говорил: «То, что восхищало Лэтяня в поэзии [Лю] Мэндэ — это то, чем творения Лэтяня, по его собственному мнению, уступали творениям Лю» [12, с. 352]. И все же «ведь люди, которые понимают друг друга, начинают звучать похоже, а соперниками могут

зваться только равные по силе» («Примечание к сборнику [поэтической] переписки Лю [Юйси] и Бо [Цзюйи]») [7, с. 1893]. Бо Цзюйи, будучи другом Лю Юйси «по стихотворному перу», должен был иметь в своем арсенале что-то такое, что сравнилось бы по силе звучания с творениями Лю Юйси. В пятом *цзюане* «Квинтэссенции поэзии Тан и Сун», где дается оценка стиху Бо Цзюйи «В дороге останавливаясь на ночлег в Сякоу, пишу *дафу* Ли», говорится: «Отсылки на классические сюжеты использованы исключительно уместно, звучание яркое и торжественное. Это истинный образец того, как должен выглядеть семисловный уставной стих; напоминает Лю Юйси» [9, с. 153]. В поздние годы Бо Цзюйи намеренно написал стих в подражание Лю Юйси; речь идет о произведении пятого года правления под девизом Дахэ (831) «Вторю семисложным стихам, которые *сянгу*н Линху [Чу] послал *ланчжуну* Лю с просьбой указать на недостатки»:

Запрокинув голову, взираю на Солнце и Луну на широкой небесной дороге. Все так же полноводны фениксовы пруды. По-прежнему неподвижно стоят дворцовые палаты. Только не видать лазурных пологов ваших экипажей — вы в изгнание, за тысячу ли. [Да и] моя честная кисть за последние три года так и не принесла мне удачи на службе. С тех пор, как расставанье разлучило нас, даже стихи приносят мало радости. Одолевают болезни, и вино не способно утолить печаль. А все же, когда мы, винная гвардия, противники в поэтической битве, повстречаемся вновь, Окажется, что, хоть старость близка, мы все еще крепко держимся в седле [8, с. 2150].

Даже для обычной жалобы на несправедливость жизни Бо Цзюйи избирает красивейшие образы: «Солнце и Луна на широкой небесной дороге» «фениксовы пруды», «дворцовые палаты», «лазурные пологи», «честная кисть». В пятой и шестой строках поэт описывает свои чувства по поводу расставания с друзьями, от тоски по которым теряется интерес даже к вину и сочинительству, однако уже в следующем двустишии приободряется вновь: быть может, мы и старые и испытали немало разочарований в жизни, но, собравшись вместе, мы снова «выступим в бой», и окажется, что нас по-прежнему «не так-то просто выбить из седла». Последняя строка стихотворения являет собой классическую аллюзию на «Жизнеописание Ма Юаня» («История династии Поздняя Хань») [13, с. 842–843]. Разумеется, Бо Цзюйи пишет не о настоящем марше или бое, «винной гвардией» и «противниками в поэтической битве» он называет себя, Линху Чу и Лю Юйси, да и бой между ними должен разразиться винно-поэтический. Однако стих написан в истинно патетическом тоне и в полной мере отражает искренние чувства старого стихотворца. В «Квинтэссенции поэзии Тан и Сун», восьмом *цзюане*, данному стиху дается следующая оценка: «В высшей мере выдающийся [стих], новое звучание *сяншаньского* [отшельника]» [9, с. 249].

Пятому году правления под девизом Дахэ (831) принадлежит стих Бо Цзюйи «От имени Мэндэ»:

Среди поколения, которое придет нам на смену, почти не сыскать самородков. Из наших же ровесников вот уже больше половины покинуло мир. Люди вечно борются за

первенство, но в [конечном итоге] все они глядят тебе в спину. В мире идет нескончаемая борьба, но среди всех людей света не найдется достойного соперника мне. Трудно удержаться тому, кто заберется на самую вершину бамбуковой жерди. Тот, кто начал партию позже, вовсе не обязательно проиграет. Так и всходы в горах и листья на деревьях — те, что первыми зазеленели с приходом весны, первыми же увянут [8, с. 2027].

В стихе «Два аллегорических стихотворения в ответ сянгуну Ню [Сэнжу], первое» Лю Юйси есть строки: «Двое, поднявшись выше бамбуковых жердей, хвастались, что достигли неба. Но оглянуться не успели, как взмахом рукава их вниз смахнули с головокружительной высоты» [10, с. 716]. Бо Цзюйи позаимствовал у него образ бамбуковой жерди и, дополнив его сравнением с шахматной партией, метафорически описал принцип непредопределенности победы и поражения в человеческой судьбе. В следующих двух строках, начинающихся со слов «Так и всходы в горах...», образ растений, что, достигнув расцвета, увядают, использован как метафора к взлетам и падениям в жизни человека. В данном стихотворении Бо Цзюйи, как бы перевоплотившись в своего друга, «корифея поэзии» Лю Юйси, продемонстрировал свое понимание бессмертного величия его поэзии.

Более того, возвышенность слога в целом соответствовала общей направленности поэтической мысли того времени. Помимо Лю Юйси, показательным примером тому является творчество Хань Юя. Пань Дэюй (Цин) так писал в своих «Заметках о поэзии Ли [Бо] и Ду [Фу] из кабинета Уединения», первом *цзюане*: «Цинчжи из рода Вэй сказал: "...если поэт хочет владеть выдающимся слогом и стилем и при [этом] писать непринужденно, ему следует учиться у Туйчжи и Тайбая⁷" <...> стихи Туйчжи действительно выдающиеся, хоть непринужденными их и не назовешь...» [14, с. 2055]. И действительно, самые оригинальные и характерные стихи Хань Юя отличаются эмоциональностью и торжественностью — например, «Песнь о каменных барабанах», в которой уверенным и лаконичным, выразительным, красочным языком повествуется история возникновения древних каменных барабанов⁸ («[он] в ярости поднял императорскую рать», «забрыцали мечи, ударяясь о яшмовые подвески на поясах») [15, с. 409]. Благодаря употреблению большого количества экспрессивной лексики, особенно глаголов, стих получается энергичным, живым, дерзновенным, преисполненным чувства гордости [16, с. 261]. Бо Цзюйи, хоть сам и стремился к легкости и простоте своего слога, будучи человеком своего времени, не мог не поддаться влиянию окружения. Бо Цзюйи и Хань Юй, являясь родоначальниками двух главных направлений в поэзии среднего периода Тан, придерживались совершенно различных поэтических убеждений и взглядов, мало общались и почти не обмени-

⁷ Туйчжи — имя-цзы Хань Юя. Тайбай — имя-цзы Ли Бо.

⁸ Каменные барабаны — археологический памятник времен династии Цинь; десять камней в форме барабанов с высеченными на поверхности четырехсловными стихами; обнаружены в эпоху Тан в Шэньси.

вались поэтическими экспромтами и посланиями⁹. Тем не менее в поэтических произведениях Бо Цзюйи можно проследить общие с Хань Юем черты, к примеру широкое употребление сильных, эмоционально окрашенных глаголов. Так, стихотворение «Навеяно впечатлениями от путешествия...», написанное во второй год правления под девизом Дахэ (822) — как раз в тот год, в течение которого Бо Цзюйи сравнительно плотно общался с Хань Юем, — позднее получило следующую оценку в «Квинтэссенции поэзии Тан и Сун»: «Что можно сказать об особенностях [этого стиха]? Слог мощный, содержание в полной мере соответствует избранной теме. Всего в собрании сочинений [Бо Цзюйи] мало стихов подобного рода, очень похоже на [стиль] Хань Юя» [9, с. 77].

Лю Се (период Южных династий, Лян) так писал в «Резном драконе литературной мысли», раздел «Стиль и индивидуальная природа»: «Талант писателя происходит изнутри, и источник его — природный дух. Дух определяет волю и цель, воля и цель определяют язык [произведения]. И если уж рассуждать о прекрасном, то все [без исключения] шедевры несут отпечаток характера [своего создателя]» [6, с. 190]. Смелость и возвышенность идеалов, присущие личности Бо Цзюйи, — вот внутренний источник патетики его произведений. Еще в юности поэт показал себя как человек исключительно смелый и честный. Свои упорство, решительность и непреклонность он выразил строками: «Не сжигает их даже полымя — Возрождаются с ветром весны»¹⁰ («Ода о прощании на древней равнине») [8, с. 1042]. «Прежде весь ум занимали мысли о том, как помочь стране в трудные [для нее] времена, И до сих пор сердце томят слова невысказанных императору советов» («В чувствах пишу о желании уйти на покой») [8, с. 1289–1290]. Именно таким был Бо Цзюйи в начале своей службы при дворе: честным, смелым, готовым в случае необходимости указать императору на его ошибки, истинным защитником народа. Можно сказать, он был героем. Используя свою письменную кисть как оружие, Бо Цзюйи давал советы вышестоящим и разоблачал пороки современного ему общества. «С тех пор, как впервые попробовал себя в писательстве и до того времени, как добился службы в столице, [он] создал десятки, [даже] сотни стихотворений, и каждое было написано в назидание, с целью раскрыть [те или иные] пороки общества, исправить недостатки управления» («Старая история Тан; жизнеописание Бо Цзюйи») [17,

⁹ В первый год девиза правления Чанцин Бо Цзюйи написал стихотворение «Вторю стихам *шилана* Ханя о нескончаемом дожде». Времени второго года правления под девизом Чанцин (822) принадлежат два стиха Хань Юя («Ранней весной вместе с ученым Чжаном Восемнадцатым Цзи гуляем в роще *шаншу* Ян [Юйлина]. Тогда же обращаюсь с докладом к *гэлао* Бо [Цзюйи] и Фэн [Су]», «Посылаю *шэжэню* Бо Двадцать Второму во время весеннего путешествия по реке Цюйцзян вместе с *юаньваем* Министерства общественных работ Чжан [Цзи]») и четыре стиха Бо Цзюйи («Вместе с *шиланом* Ханем гуляем у пруда семьи Чжэней, читаем стихи, немного выпиваем», «Давно не виделся с *шиланом* Ханем, по этому поводу пишу ему шутивное стихотворение-восьмистишие», «Прочтя стихи *шилана* Ханя о пруде в роще *шэжэня* Яна, посылаю ответ» и «С благодарностью посылаю ответ на стихи *шилана* Ханя о путешествии по реке Цюйцзян вместе с *юаньваем* Министерства общественных работ Чжан [Цзи]»). — *Примеч. авт.*

¹⁰ Перевод С. А. Торопцева.

с. 4340]. «Не страшился навлечь на себя гнев сильных мира сего, не обижался также, если друзья, шутя, указывали ему на недостатки» («Посвящение студенту Тану» [8, с. 78]) — поражает и трогает до глубины души те смелость и самоотдача, с которыми Бо Цзюйи служил народу своей страны. Вернувшись после изгнания в Чжунчжоу на прежнюю столичную должность, Бо Цзюйи столкнулся с печальной действительностью: «Сын Неба предается праздности и распутству и совсем позабыл о ритуале; те, в чьих руках власть, не выполняют своих обязанностей, принимаемые решения ошибочны. На севере снова бунтуют». И все равно Бо Цзюйи, не изменяя себе, продолжал «снова и снова посылать к императору доклады, надеясь повлиять на положение дел в стране» [17, с. 4353]. Все эти факты говорят о том, что он был отважным и преданным своим идеалам человеком.

Помимо роли народного защитника, была еще одна стороны жизни Бо Цзюйи, которая неизменно настраивала его на возвышенный лад. В стихотворении «Надпись на камне в округе У» от первого года правления под девизом Баоли (825) говорится:

В начале правления под девизом Чжэньюань Вэй Ингу был начальником округа Сучжоу, а Фан Жу вновь был назначен на должность правителя округа Ханчжоу. Оба они были великими людьми. Вэй увлекался поэзией, Фан имел слабость к вину. На каждой встрече братья по оружию непременно напивались и декламировали стихи; изяществом и поэтичностью своих творений они прославились на весь У [7, с. 1837].

В этих строках Бо Цзюйи выразил собственное понимание «великого человека», которое включает в себя следующие критерии: он должен быть любителем вина, поэзии и сборищ с «братьями по оружию», непременной частью которых являются застолье и поэтические состязания. Сам Бо Цзюйи был известным любителем стихов и вина и уж, конечно, не упускал случая разделить эти два своих увлечения с друзьями. Бо Цзюйи просто жить не мог без поэзии, у него даже имелось прозвище «демон стихов». Данное словосочетание встречается также в следующих его стихотворных строчках: «И только демона стихов мне никак не укротить — не могу спокойно пройти мимо ни одной стихотворной строчки, попавшейся мне на глаза» («В праздности читаю стихи») [8, с. 1333]; «Хмельное безумие вновь во мне пробуждает демона стихов, с полудня до захода солнца читаю заунывно нараспев» («Два стихотворения о том, как читаю стихи во хмелю, второе») [8, с. 1390]. Не прочь был Бо Цзюйи и выпить. Согласно статистике, в дошедших до нас 2800 стихов слово «вино» встречается более 700 раз, слово «пьянеть» — более 400, стихов, в которых поднимается тема вина, более 900, а количество лексики, имеющей отношение к алкоголю, не поддаются пересчету [18, с. 5]. Более того, в последние годы жизни Бо Цзюйи дал себе прозвище «пьяный господин, распеваящий песни» и с упоением писал в автобиографическом «Повествовании о пьяном господине...»: «Еще в древности говорили: спасутся те, кто ищет спасение в вине» [7, с. 1983]. Продолжая мысль Лю Лина, выраженную в «Оде добродетелям вина», Бо Цзюйи писал в своем сочинении «Восхваляю до-

бродетели вина»: «Я как-то не ел целый день и не спал всю ночь напролет, предаваясь размышлениям, [но все было] без толку; лучше уж выпить!» [7, с. 1925]. И уж тем более неотъемлемой частью жизни Бо Цзюйи были регулярные воссоединения с «братьями по оружию» за вином и стихами, особенно во время его службы в Сучжоу и Ханчжоу и на закате лет, в Лояне.

Великий поэт, написавший огромное количество произведений во всех возможных формах и жанрах, многие из которых впоследствии стали бессмертной классикой, разумеется, не мог ограничиваться лишь одним художественным стилем. Это утверждение в равной степени относится к Ли Бо, Ду Фу, Су Ши, Хуан Тинцзяню и Лу Ю; не было исключением и Бо Цзюйи. В целом поэтическому творчеству Бо Цзюйи свойственно стремление к простоте, но в этой простоте есть место и для патетики. Простота и патетичность вместе образуют сложное диалектическое единство, составляющее основу многогранности поэтического стиля Бо Цзюйи. Чаще всего патетика звучит в стихотворениях, в которых поэт выражает тревогу за судьбу государства и народа, но нередко ее проявления можно обнаружить и в пейзажной лирике, и в стихотворных посвящениях природному миру и миру предметов. Патетика наблюдается как в обличительной, так и в идиллической, и в сентиментальной поэзии Бо Цзюйи. Такие стихотворения характеризуются особым эмоциональным подъемом. Поэт мастерски подбирает пышные, полные силы образы, лексику, передающую масштабность и грандиозность, часто прибегает к приему сравнения, в качестве средств сравнения избирая образы могучих и величественных предметов или явлений. В патетической лирике Бо Цзюйи можно обнаружить следы влияния его предшественника, великого танского поэта Ду Фу, а также друга и современника Лю Юйси по прозвищу «корифей поэзии». В то же время возвышенность слога в целом соответствует общей направленности поэтической мысли среднего периода Танской династии. Дух конфуцианства — нравственный ориентир Бо Цзюйи, — а также дерзновенность и возвышенность чувств, свойственные его характеру, в свою очередь являются внутренним источником патетики в его творчестве.

Литература

1. 陈友琴编. 白居易资料汇编. 北京, 中华书局, 1962. [Бо Цзюйи: сборник материалов о поэте / ред. Чэнь Юцинь. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1962.] (На кит. яз.)
2. 张少康. 司空图及其诗论研究. 北京, 学苑出版社, 2005. [Чжан Шаокан. Исследование о Сыкун Ту и его теории поэзии. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2005.] (На кит. яз.)
3. 郭绍虞. 沧浪诗话校释. 北京, 人民文学出版社, 1961. [Го Шаоюй. Замечания и пояснения к «Поэтической критике [отшельника] Цанлана». Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1961.] (На кит. яз.)
4. 丁福保辑. 历代诗话续编. 北京, 中华书局, 2006. [Собрание поэтических критик в хронологическом порядке: продолжение / сост. Дин Фубао. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006.] (На кит. яз.)
5. 丁福保辑. 清诗话. 上海, 上海古籍出版社, 2015. [Поэтические критики эпохи Цин / сост. Дин Фубао. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2015.] (На кит. яз.)

6. 王运熙、周锋. 文心雕龙译注. 上海, 上海古籍出版社, 2012. [*Ван Юньси, Чжоу Фэн. Резной дракон литературной мысли: перевод с комментариями. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012.*] (На кит. яз.)
7. 谢思炜. 白居易文集校注. 北京, 中华书局, 2011. [*Се Сывэй. Собрание сочинений Бо Цзюйи с комментариями. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2011.*] (На кит. яз.)
8. 谢思炜. 白居易诗集校注. 北京, 中华书局, 2006. [*Се Сывэй. Собрание сочинений Бо Цзюйи с комментариями. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006.*] (На кит. яз.)
9. 莫砺锋主编. 御选唐宋诗醇·白居易. 北京, 商务印书馆, 2019. [*«Квинтэссенция поэзии Тан и Сун» в императорской редакции Бо Цзюйи / гл. ред. Мо Лифэн. Пекин: Шанъу иньшугуань, 2019.*] (На кит. яз.)
10. 陶敏、陶红雨. 刘禹锡全集编年校注. 长沙, 岳麓书社, 2003. [*Тао Минь, Тао Хунъюй. Полное собрание сочинений Лю Юйси в хронологическом порядке с комментариями. Чанша: Юэлу Шушэ, 2003.*] (На кит. яз.)
11. 刘熙载. 艺概. 上海, 上海古籍出版社, 1978. [*Лю Сицзай. Обзор искусства. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1978.*] (На кит. яз.)
12. 陈寅恪. 元白诗笺证稿. 北京, 生活·读书·新知三联书店, 2015. [*Чэнь Инькэ. Комментарии и исследование поэзии Юань Чжэня и Бо Цзюйи. Пекин: Шэнхо-душусиньчжи саньянь шудянь, 2015.*] (На кит. яз.)
13. 范晔. 后汉书. 北京, 中华书局, 1965. [*Фань Е. История династии Поздняя Хань. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1965.*] (На кит. яз.)
14. 郭绍虞编选. 清诗话续编. 上海, 上海古籍出版社, 2016. [*Собрание поэтических критик эпохи Цин: продолжение / сост. Го Шаоюй. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2016.*] (На кит. яз.)
15. 方世举. 韩昌黎诗文集编年笺注. 北京, 中华书局, 2012. [*Фан Шицзюй. Собрание стихотворений Хань Чанли в хронологическом порядке с комментариями. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2012.*] (На кит. яз.)
16. 袁行霈主编. 中国文学史 (第二卷). 北京, 高等教育出版社, 2014. [*История китайской литературы. Т.2 / гл. ред. Юань Синпэй. Пекин: Гаодэн цзяюй чубаньшэ, 2014.*] (На кит. яз.)
17. 刘昉等. 旧唐书. 北京, 中华书局, 1975. [*Лю Сюй. Старая история династии Тан. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975.*] (На кит. яз.)
18. 刘存斌. 白居易饮酒诗研究. 郑州大学古代文学硕士论文, 2012年. [*Лю Цуньбинь. Исследование поэзии Бо Цзюйи, посвященной вину: магистер. дис. Чжэнчжоуский университет, 2012.*] (На кит. яз.)

References

1. *Collection of materials concerning Bo Juyi.* Ed. by Chen Youqin. Beijing, Zhonghua shuju, 1962. (In Chinese)
2. Zhang Shaokang. *Research on Sikong Tu and his Poetry Theory.* Beijing, Xueyuan chubanshe, 2005. (In Chinese)
3. Guo Shaoyu. *Comments and explanations on the "Canglang's remarks on poetry".* Beijing, Renmin wenzue chubanshe, 1961. (In Chinese)
4. *Collection of poetic critics in chronological order: continuation.* Comp. by Ding Fubao. Beijing, Zhonghua shuju, 2006. (In Chinese)
5. *Poetry Critics of the Qing Dynasty.* Comp. by Ding Fubao. Shanghai, Shanghai guji chubanshe, 2015. (In Chinese)

6. Wang Yunxi, Zhou Feng. *Translation and annotation of the "Literary Mind and the Carving of Dragons"*. Shanghai, Shanghai guji chubanshe, 2012. (In Chinese)
7. Xie Siwei. *Collection of Works of Bo Juyi with commentaries*. Beijing, Zhonghua shuju, 2011. (In Chinese)
8. Xie Siwei. *Collection of works of Bo Juyi with commentaries*. Beijing, Zhonghua shuju, 2006. (In Chinese)
9. "The Quintessence of Tang and Song Poetry" in the imperial edition by Bo Juyi. Ed. by Mo Life-feng. Beijing, Shangwu Yingshuguan, 2019. (In Chinese)
10. Tao Min, Tao Hongyu. *The complete works of Liu Yuxi in chronological order with commentaries*. Changsha, Yuelu Shushe, 2003. (In Chinese)
11. Liu Xizai. *Art Review*. Shanghai, Shanghai guji chubanshe, 1978. (In Chinese)
12. Chen Yinke. *Commentary and study of the poetry of Yuan Zhen and Bo Juyi*. Beijing, shenghuo-dushu-xinzhi sanlian shudian, 2015.
13. Fan Ye. *The Book of the Later Han. Juan 24, Biography of Ma Yuan*. Beijing, Zhonghua shuju, 1965. (In Chinese)
14. *Collection of Poetry Critics of the Qing Dynasty: continuation*. Comp. by Guo Shaoyu. Shanghai, Shanghai guji chubanshe, 2016. (In Chinese)
15. Fang Shiju. *Collection of poems of Han Changli in chronological order with commentary*. Beijing, Zhonghua shuju, 2012. (In Chinese)
16. *The history of Chinese Literature*. Vol. 2. Ed. by Yuan Xingpei. Beijing, Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2014. (In Chinese)
17. Liu Xu. *The Old Book of Tang*. Beijing, Zhonghua shuju, 1975. (In Chinese)
18. Liu Cunbin. *A study of Bo Juyi's poetry dedicated to wine: master's thesis*. Zhengzhou University, 2012. (In Chinese)

Перевод Е. Г. Гавришевой